

Моск. новости. - 1997. - 16-23 нояб. - с. 22

— Вы уехали восемь лет назад. Что с тех пор произошло в вашей жизни?

— Я попал в Америку случайно. Ванесса Редгрейв пригласила меня в бродвейское шоу, посвященное сталинским репрессиям. Я имел огромный успех, но собирался возвращаться обратно. Но в это время мои родители оказались в Америке как беженцы, и с моей мамой случилось несчастье. На нее напал черный, сломал ей ноги, и она попала на восемь месяцев в больницу. Я понял, что оставить ее не могу. Нужно было как-то устроиться. Разрешения на работу у меня не было.

Как-то мне позвонили приятели и сказали: в русской газете есть объявление, что выходцы из России с вокальным образованием могут попросить поступить в еврейскую теологическую семинарию при Колумбийском университете. Я пошел туда. Меня попросили спеть. Я в состоянии отчаяния спел что-то без слов. Вышел декан и сказал: «Мы вас берем учиться, даем общежитие, стипендию». Я начал реветь. Я не ожидал — знал, что в Америке за все надо платить, и вдруг выясняется, что платить не нужно, что тебя берут и еще приплатят, чтобы ты учился!

— А такого российского гонора не было — вы, заслуженный артист России, и вдруг снова учиться?

— Я забыл обо всем! Знаете, если человек в эмиграции говорит: «Я в бывшем СССР был главным инженером, а здесь кто я?», это означает конец — человек уже никогда ничего не добьется. Я начал учебу. Это была пытка. Я не знал английский. Через английский я изучал иврит. Учил какие-то предметы: Мишну, Тору, Талмуд. Но я знал, что иначе придется просто на улице просить милостыню. Передо мной были две картины, когда я закрывал глаза: одна — что я божь, прошу милостыню, а другая — что я живу в Калифорнии, у меня шикарный особняк. Два стереотипа.

— Действительность оказалась посередине?

— Отучившись два года, я стал понимать, что не выткну это. Я уже стал писать и читать на иврите, вести службы. Все изменилось, когда я случайно познакомился с очаровательной американкой Айрин. Выяснилось, что мы как бы находимся на одной волне. Теперь это моя жена. Она мне открыла возможность уйти от религиозного мира.

Это было причиной, а поводом послужил спектакль знаменитого режиссера Роберта Уилсона, который назывался «Черный наездник». После него я был в шоке. Как будто нахлынуло все, что было связано с моим театром, с моей работой. Я не спал ночь. Утром у меня была служба в синагоге. Вы знаете, что со мной было? Я вел службу на иврите, а думал по-русски. Перед глазами стояли сцены этого спектакля. Когда закончилась служба, я пришел к себе к общежитие и просто рыдал, просил Бога, чтобы он помог мне. Я говорил: «За что, за что я должен обращаться к тебе с молитвами, если я не понимаю, зачем я это делаю?»

— В России у вас какой-то религиозный опыт был?

— Никакого. Я был в синагоге один раз.

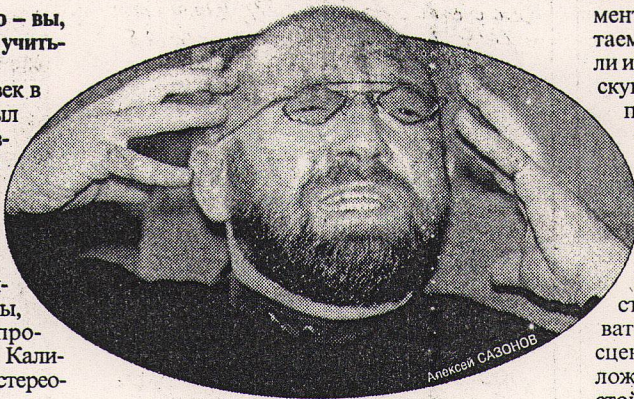
— Значит, вы поняли, что не сможете служить?

— Я знаю, что это моя религия, но я не вырос в ней. И я не понимаю, как можно проводить время в синагоге или в любом другом храме. Я пошел в разные агентства, которые занимаются шоу-бизнесом. В одном агентстве мне предложили работу с Клер Берри. Я спросил, а кто это такая? Они сказали — был такой знаменитый дуэт «Сестры Берри». Конечно, я их знал, но думал, что они из Израиля. Такой я был необразованный. Когда я пришел на репетицию, увидел потрясающую женщину. У нее не было возраста. Она выглядела лет на 50, двигалась лет на 40. А на самом деле ей 75. Мы начали с ней работать и назвали нашу программу: «Два поколения одной культуры». Я тогда сочинил псалом с такими словами: «Зачем мы бродим по всем дорогам? Затем, что так угодно Богу. Идем с холмовыми сумами. И этот Бог повсюду с нами». Постепенно я стал понимать, что гибельно замыкаться только в рамках еврейской

Сильный еврей Яков Явно

ВСТРЕЧА

Восемь лет назад у Якова Явно было все, о чем мог мечтать советский артист: звание заслуженного (вот-вот дадут народного), полные залы Еврейского камерного музыкального театра, где он играл ведущие партии, два художественных фильма... Однако именно тогда его имя исчезло с московских афиш, чтобы всплыть спустя несколько лет в Нью-Йорке.

Яков Явно

культуры, и стал искать пути, чтобы сочетать ее с другими культурами. Как-то встретил одну черную певицу, мы сели друг напротив друга, и она стала петь «госпел» о том, как Моисей вывел еврейский народ из Египта. И я понял, что история моего народа такая же, как история черных. Мы были рабами, ушли из Египта, обрели свободу. И черные также хотели свободы. Когда она пела этот «госпел» по-английски, я стал вставлять свое песнопение. У нас получился совершенно сумасшедший дуэт. Мы сделали программу и назвали ее «Две души в гармонии».

— Эти эксперименты, наверное, интересны, но вряд ли приносят большие деньги...

— У меня никогда не было желания зарабатывать деньги. Я понимал, что деньги — это необходимая статья, но если ты творчески не идешь вперед, как бы ты ни пыжился, ты никогда не заработаешь, если люди это не будут принимать. И я знал и знаю до сих пор, что самое главное — выйти на следующий уровень в искусстве.

— Вы сейчас довольны своей жизнью?

— Честно говоря — нет. То, что я делал вчера, мне уже неинтересно. Хочу попробовать работать с Надеждой Бабкиной, придумать комбинации, при которых я могу выйти на более широкую аудиторию, не петь еврейские песни просто потому, что я еврей, а сделать так, чтобы это было доступно людям любой национальности, любой культуры, любого уровня.

— Чего вам было жалко в России, что вы оставили с сожалением?

— Честно говоря, мне было жалко, что я оставил, может быть, самое главное — то, как формировался. Да, я слышал в свой адрес слово «жид», но в то же время я видел уважение людей к тому, что я делаю. Я видел разное отношение к себе. Но и в Америке сегодня можно увидеть разное отношение. И это неправда, когда говорят, что в Америке нет антисемитизма. Антисемитизм есть везде. Как Эйнштейн сказал: «Антисемитизм — это тень еврея».

Я вспоминаю людей, которые дали мне главное, что сегодня помогает двигаться по этому

миру. Я не знаю, кто я. Я не принадлежу никакой стране. И, может быть, это состояние меня сегодня даже устраивает. Мне часто говорят: «Зачем ты поешь еврейские песни? Ну пой же итальянские, русские или американские, больше заработаешь». Я такие разговоры не люблю и считаю, что если народ не уважает свою культуру, то уважения к этому народу никогда не будет. Если человек теряет свои корни, это — как дерево: оно засохнет, не будет давать плоды. Мои корни — в земле Израиля, но и в России. В России были заложены первые кирпичики моего существования в этом мире. И я это ценю.

— Камерный еврейский театр был в советские времена своего рода визитной карточкой, которой размахивали перед иностранцами, чтобы показать, что у нас есть еврейская культура. Для зрителей же (не всех, но многих) посещение вашего театра было способом самоидентификации. Вы сейчас были в Оренбурге на фестивале еврейской культуры. Изменилось ли восприятие того, что вы делаете?

— Никто уже не совершает шаг гражданского мужества, идя на спектакль, чтобы аплодисментами выразить свою причастность к угнетаемой национальности. Но и во мне произошли изменения. Я сегодня не воспринимаю еврейскую культуру только через песни «Купите папиросы» или «Хава-нагила». Не может народ, которому сегодня 5000 лет, существовать в рамках только этих песенок. В Оренбурге люди меня спрашивали: «Разве это еврейская культура — то, что вы делаете? Мы никогда такого не слышали...» Одна женщина сказала: «Вы знаете, когда вы пели, я боялась вас. Я думала, что просто не выдержу, и только потом стала сознавать, что это не тот еврей, который выходит на сцену и поет, карикатурно полусогнувшись, заложив руки под мышки... Это был какой-то достойный и сильный еврей». Те же слова мне сказал в свое время Эрнст Неизвестный: «Я впервые увидел на сцене гордого еврея». Я думаю, что это нормально. Если мы будем достойно относиться к самим себе, то и к нам отношение будет совершенно иное. Когда сегодня я вижу представителя любой другой культуры, работающего на серьезном профессиональном уровне, это вызывает у меня восторг. Если это плохо, даже пусть это будет что-то еврейское, это вызывает у меня аллергию.

— Существует такое понятие, как еврейская скрипка. Мы все понимаем, что имеется в виду, хотя словами этого не выразишь. Существует ли еврейское пение?

— Конечно.

— Что это такое?

— Меня учили серьезному пению, например, бельканто. Но когда ты поешь еврейское, тут включаются какие-то совершенно другие вещи. Когда я пою, я могу хрипеть, сипеть, шептать, у меня звук формируется как будто прямо в сердце. Это, видимо, генетика, меня никогда этому не учили.

— У нас сейчас очень много разговоров о том, что главное в жизни артиста не талант, а степень раскрученности. Как вы оцениваете степень своей раскрученности в Америке?

— Конечно, я не нахожусь на уровне американских суперзвезд, ибо то, что я делал, до сих пор было в рамках определенной этнической группы. Только сегодня я начинаю выходить на уровень таких музыкантов, как Пол Винтер. Сейчас ведутся переговоры об альбоме вместе с Питером Габриэлем. Я не могу сказать, что я сегодня сильно раскручен, но меня уже знают в Америке. Я не знаю, что со мной произойдет здесь, в России (а я теперь буду приезжать сюда часто). Я знаю, что должен оставить часть того, чем занимаюсь, и в этой стране. Я очень хорошо понимаю этот народ. Потому что я из этого народа. И мне хочется внести какую-то краску в то, что сегодня происходит.